

МАССОВЫЙ ПРАЗДНИК КАК СРЕДСТВО МОБИЛИЗАЦИИ В 1917 Г.

Купцова И.В.* (Россия, г. Москва)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению праздника как средства мобилизации масс в период революции 1917 г. Проводится аналогия со средневековым карнавалом (концепция М.М. Бахтина). Одним из механизмов воздействия на народные массы с целью их направления в «правильное» русло стал революционный праздник. Он рассматривался властью не только как механизм коммуникации с обществом, но и как способ легитимации, ритуализированная модель поведения нового человека, инструментарий для популяризации идеологии, развития революционной психологии народных масс. Праздник «Великие похороны» жертв революции на Марсовом поле 23 марта 1917 г. стал первым опытом решения этих задач.

Февральская революция 1917 года произошла так стремительно, что все политические силы оказались не готовы не только к таким резким и кардинальным изменениям политической системы, но и к такой активности народа, высвобождению его разрушительной энергии. Показательны впечатления П. Сорокина: «В огневых отблесках лица прохожих и зевак выглядели демонически; они ликовали, смеялись и танцевали. Повсюду валялись нагромождения резных российских двуглавых орлов; эти имперские эмблемы срывались со зданий и подбрасывались в костры под аплодисменты толпы» [11, с.225].

Такое описание невольно порождает ассоциации с карнавалом – народной культурой периода Средневековья и Возрождения, оппозиционной официальной христианской культуре [2, с. 12]. Концепция карнавала была предложена М.М. Бахтиным, как утверждает исследователь А. Михайлюк [8], под влиянием опыта революции и гражданской войны. Черты традиционного карнавала (связь с кризисными периодами, конкретно-чувственный характер зрелищ, наличие сильного игрового элемента, всенародный характер, освобождение от господствовавшей правды, временная отмена всех иерархических отношений, особый язык символов и форм) [2, с. 16] можно обнаружить и в революции.

Революция, как и карнавал, связана с периодом кризиса. «В эпохи великих переломов и переоценок, смены вся жизнь в известном смысле принимает карнавальное значение: границы официального мира сужаются, и сам он утрачивает свою строгость и уверенность, границы же площади расширяются, атмосфера ее начинает проникать повсюду» [3, с. 154]. Оба эти феномена означали временный отказ от господствовавшей правды, отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов.

Главными участниками революции и карнавала является народ. Революции присуща карнавальность, так как «ибо уже сам выход народных масс на площадь предполагает установление карнавального фамильярного контакта, означает торжество духа освобождения (по крайней мере, от привычной рутины), ибо основные революционные акции – развенчание-увенчание, отмена прежнего иерархического строя, прежних моральных норм, осмеяние и уничтожение прежних святынь и т. п. – имеют прямое отношение к символике карнавала» [8]. В карнавале, как и в революции, происходит растворение индивида в коллективе, он утрачивает способность к рациональному мышлению, к критической оценке действительности.

Народная стихия при дальнейшем развитии представляла угрозу не только старому, но и новому порядку. Осознавать это должны были представители политической элиты. Нужно было найти механизмы, которые бы позволили если не остановить этот разгул стихии, то направить его в контролируемое русло. Скорее всего, процесс поиска механизма упорядочения народных акций был спонтанный. Важно было, не отталкивая народ, с одной стороны, сохранить его потенциал, а, с другой – регулировать его.

---

* Купцова Ирина Валентиновна, доктор исторических наук, профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова.

Одним из таких механизмов стал революционный праздник. В отечественной и зарубежной историографии тема революционного праздника получила широкое освещение. В советский период праздники анализировались с позиции философского, педагогического, культурологического и социологического знания (В.С. Аксенов, И.М. Бибикина, Я.П. Белоусов, Д.М. Генкин и др.).

В исследованиях современных российских авторов: Е.В. Барышевой, И.С. Орлова, Б.И. Колоницкого, П.К. Корнакова, А.А. Смирновой, Н.В. Шалаевой праздники анализируются через семантический и мифологический ряд, взаимосвязь с религиозным сознанием. Художественному оформлению праздников посвящены исследования В.П. Лапшина, О.В. Немиро, В.П. Толстого, Е.Е. Шлеева.

Зарубежные ученые Ш.Плаггенбург и М. Рольф акцентировали внимание на идеологическом содержании и влиянии, оказываемом послереволюционными праздниками на население страны, особенностях используемых праздничных форм; их финансировании центральной и местной властями.

Праздник в 1917 г. рассматривался властью не только как механизм коммуникации с обществом, но и как способ легитимации, ритуализированная модель поведения нового человека, инструментарий для популяризации идеологии, развития революционной психологии народных масс. Революционный праздник выполнял важные функции: компенсаторную (праздник существовал как контраст серым буднями, связанными с ними трудностями и проблемами); коммуникативную (сближал людей, создавал новые формы общения), консолидирующую (объединял общество вокруг единой идеи), ценностно-ориентационную (актуализировал ценностно-смысловой горизонт культуры), психологическую (концентрировался на ценности жизни, был направлен на поиск экзистенциального смысла) и др.

Новой революционной России нужны были новые праздники. Первый вид праздников можно назвать революционными: праздник свободы (10 марта), день похорон жертв революции (23 марта), праздник Интернационала (день рабочих) (18 апреля), с 1918 г. – день русской революции (12 марта) и день рабочих (1 мая). Основная задача этого вида состояла в объединении различных социальных слоев населения и общественно-политических сил, создающем представление о массовой поддержке революции. Второй вид праздников – патриотические, связанные с участием России в Первой мировой войне: Заем свободы (июнь – июль), «Праздник ударных батальонов» (14–15 августа). Их задачей было поддержание патриотических настроений и сбор пожертвований.

В 1917г. формами праздничной культуры были: шествия, манифестации, демонстрации, митинги, митинг-концерт, народные гуляния. Праздник должен был охватить максимально большое количество людей. Поэтому он представлял собой полицентрическое пространство, хотя официально в Петрограде центром было Марсово поле, а в Москве – Красная площадь, локальные центры были размещены по всему городу.

Первые послереволюционные праздники были тесно связаны с религиозными торжествами. Это нашло отражение в использовании крестных ходов и молебнов, сакрализации героев революции и мест их захоронения (организация похорон жертв революции 23 марта 1917 г. на Марсовом поле), участии духовенства. Слияние религиозного и политического сознания можно увидеть и в сравнении революции с Пасхой [5, с. 82] Включение старого праздничного канона в советский праздник и революционную культуру позволило власти точнее донести до рабочих и крестьян не только смысловую, но и политическую символику и «облегчить коммуникацию новой власти с народом» [10, с. 43].

В революционных праздниках, как и в карнавале, важную роль играл игровой компонент. Например, В.П. Лапшин отмечал участие в первомайской демонстрации 1917 г. ряженых, которые в «живых картинах» отображали события и лозунги времени. Одна группа была одета в национальные костюмы народов, населяющих Россию, а другая изображала бывший царствующий двор [7, с. 121].

Основу ритуала праздника составляют символы. Посредством символов повышается семиотический статус определенных предметов, личностей, событий. П.К. Корнаков разделял революционные символы на несколько групп: цветовая символика, вербальная, изобразительная и музыкальная [6, с. 359].

Цветовая символика проявилась в доминировании красного цвета – символа жизни, свободы, победы, цвета Интернационала.

Революционная символика представляла собой сложное наложение разных символов. Во-первых, это символы и герои народного эпоса: солнца, радуги, Жар-Птицы, богатырей, Георгия Победоносца, образов военных и колониционных подвигов из прошлого (Дмитрий Донской, Ермак). Например, в плакате Г. Пашкова использован образ святого Георгия – символ верности традиции и вера в неизбежную победу над злом [1, с. 52].

Во-вторых, это герои нового времени – солдат, рабочий и крестьянин. Становление этих образов происходило постепенно. Н.И. Бабурина считает, что впервые визуальная апробация образа новых героев появилась в плакатах, посвященных военным займам, целью которых было формирование позитивного образа патриота [1, с. 48].

В-третьих, важную роль в появлении новой символики обрело слово. Значительная агитационно-пропагандистская роль принадлежала лозунгам и призывам, которыми сопровождались панно, плакаты, транспаранты. Таким образом, происходил процесс сакрализации текстов (Коммунистического Манифеста, слова «Интернационала» и революционных песен, высказывания политических лидеров).

Революционный праздник в 1917 году играл важную роль средства мобилизации масс. Одной из первых таких попыток стали «Великие похороны» жертв революции, которые прошли 23 марта 1917 г. 5 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов впервые на своем общем собрании рассмотрел вопрос «О похоронах жертв революции и увековечении их памяти» [11, с. 27]. Целью праздника должен был стать «смотр революционных сил» [9].

Достижение поставленной цели осуществлялось посредством решения ряда задач. Основной задачей была мобилизация общества. По разным данным в праздновании приняли участие от 800 тыс. чел. до 2 млн человек [9]. Акцент на массовости мероприятия был принципиален. Праздник должен был объединить как можно большее количество людей через ряд идей. Во-первых, это идея общей победы. Об этом писал Д. Философов: «То, что мы пережили с 27 февраля по 2 марта настолько чудесно, а то, что делалось с 1825 года по 1917 год настолько ужасно, что нормальные, «обыденные» похороны не могли удовлетворить народного чувства. Ведь сегодня не только похороны жертв, сегодня великий праздник п о б е д ы. Сегодня праздник В о с к р е с е н и я русского народа» [. Власть пыталась поддерживать у граждан настроение праздника, ликования и формировать негативное отношение к прошлому и позитивное – к будущему.

Во-вторых, это идея общей жертвы. Жертвы революции назывались погибшими братьями: «огромная ... братская могила, в которую каждый район бережно опускал своих погибших за общее дело братьев. ... Народ хоронил своих дорогих, своих близких и был проникнут одним настроением» [9].

В-третьих, идея, которую можно назвать «единство в многообразии». Исследователь И.С. Орлов называл похоронную процессию «парадом идентичностей: от классовых и национальных – до политических, профессиональных и территориальных. Шли колонны рабочих разных заводов и фабрик, воинские части, колонны учебных заведений, колонны различных левых партий, национальные колонны, колонны всевозможных организаций, комитетов, объединений, включая даже колонну слепых, колонны представителей различных профессий: «Колонны медичек, сиделок и официанток идут в том же стройном порядке, как и организованные товарищи» [9].

Организаторы давали возможность участвовать в мероприятии всем. Любая группа (национальная, профессиональная, партийная и т.п.) на равных участвовала в празднике. Можно говорить об эффекте «гражданского мира», когда сохранение групповой идентичности не противоречило, а усиливало единство.

Еще одной задачей стало использование праздника как средства легитимации власти. Организация похорон была инициирована Петроградским Советом, эта идея не нашла возражения у Временного Правительства. Напротив, при всех идейных разногласиях, оба органа власти рассматривали праздник как выражение авторитета. Неслучайно во время празднования на Марсово поле политические лидеры стремились сюда приехать. Хотя здесь не было публичных выступлений, само присутствие политиков подкрепляло их авторитет. «В этом также уникальность этой массовой коммеморации – отсутствие речей, отсутствие публичных выступлений. Только траурная музыка, революционные песни и многочисленные

красные флаги. Политики просто молчаливо стояли над могилами. Такое соединение места погребения и места власти примечательно: политическое сближается с сакральным. Возвышенные чувства, вызываемые похоронами словно бы подкрепляют политику, сакральное становится опорой политическому» [9]. Для политиков предоставлялись специальные разрешения. Присутствие членов Временного комитета Государственной Думы, Временного правительства, депутатов Петроградского Совета подчеркивало особый, общегосударственный характер события. Военный и морской министр А.И. Гучков, сопровождаемый командующим Петроградским военным округом генералом Л.Г. Корниловым, прибыл на Марсово поле в 10 часов [12].

Еще одной задачей стала ритуализация революции. Как феномен культуры, специфику которого определяет эстетическое сознание, праздник тяготеет к чувственно-образному выражению своего идеального содержания, чтобы человек не только умозрительно, но и эмоционально-телесно пережил осуществление праздничной идеи. Праздник проявляется в ритуале, понимаемом как символическо-коммуникативное пространство и материально-знаковая основа ментального бытия праздника [4, с. 14]. И.С. Орлов утверждает, что переход к новой жизни требовал ритуального оформления. Власти использовали ритуал похорон, как не просто жертв революции, но и своего рода «похорон Старого порядка». Поэтому они превращаются в радостный праздник свободы. Братская могила жертв революции изначально мыслится организаторам похорон как новый сакральный центр, «подпитывающий» революционную власть [9].

В качестве места похорон рассматривались: Марсово поле, площадь перед Казанским собором, Таврический сад, Дворцовая площадь, Знаменская площадь и Летний сад. Изначально предполагалось организовать мемориал на Дворцовой площади, которая рассматривалась как сердце старой России, место расстрела демонстрации 9 января 1905 г. Похороны решено было провести как общегражданский политический акт поминовения тех, кто отдал свои жизни за свободу.

К агитации против похорон на Дворцовой площади был привлечен Максим Горький, возглавивший комиссию по этому вопросу, в которую вошли Александр Бенуа, Мстислав Добужинский, Кузьма Петров-Водкин, Николай Рерих, Иван Билибин, Федор Шаляпин и другие деятели искусства. Как убедительно показала исследователь А.А. Смирнова, комиссии принадлежит одна из ведущих ролей в изменении мнения в месте захоронения.

Ход проведения праздника тщательно прорабатывался. Была создана похоронная комиссия под председательством В. Малышева. Частям гарнизона были отданы приказы об участии в церемонии, выделении особых подразделений с оркестрами. В день похорон в городе предусматривалась остановка работы промышленных и торговых предприятий, прекращение трамвайного движения. Был определен путь и время следования траурных процессий из каждого района Петрограда к Марсовому полю. Схема организации колонн заверена подписью главнокомандующего войсками генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова.

Комиссия привлекала к участию в организации профессиональные сообщества. Так, Общество архитекторов – художников разрабатывало план места погребения.

В четырех углах этой центральной части поля были устроены четыре братские могилы. Каждая имела форму буквы «г» и могла вместить до 50 гробов. Пространство между этими «г»-образными могилами образовывало площадку в форме квадрата. Над этой площадкой и могилами был сооружен деревянный помост с трибуной для представителей власти и почетных гостей церемонии. В помосте над каждой из могил были устроены люки для спуска гробов. По сторонам братской могилы на высоких шестах развевались красные и траурные с белой каймой знамена. Окружающие здания были украшены красными флагами, колонны казарм Павловского полка обвиты красной материей. Напротив братской могилы со стороны Летнего сада был установлен большой траурный стяг [9].

Формат мероприятия представлял собой шествие, а не митинг. Это объяснялось стремлением избежать столпотворения. Похоронные процессии должны были двигаться без остановки через Марсово поле. Большое внимание уделялось организационной стороне, обеспечению порядка и безопасности. С самого начала было ясно, что будет огромное количество участников. Во избежание давки были разработаны многочисленные схемы и инструкции для организации колонн демонстрантов. В основе

схемы – порайонная организация. Формировались шесть районных пунктов с привязкой к больницам, где находились тела жертв. Организованные колонны двигались к Марсовому полю с таким расчетом, чтобы они пребывали последовательно. По прибытии траурные процессии передавали гробы рабочим, производившим захоронение, продолжая двигаться к выходу.

Работа похоронной комиссии шла в тесной связи с районными структурами власти. Каналами распространения информации стали газеты, районные комитеты заводов, учреждений, учебных заведений.

Важно обратить внимание на оформление траурных колонн. Доминировал красный цвет. Красными были не только большинство знамен и транспарантов, но и ленты и банты распорядителей и гробовщиков, а также ленты, на которых гробы спускали в могилы, и, наконец, сами гробы, обитые кумачом. Красным были обтянуты даже колонны фасада казарм Павловского полка, выходивших на Марсово поле. Вторым по популярности был, конечно же, черный цвет, также присутствовавший на многих знаменах и транспарантах.

Газета «Петроградский листок» писала об этом событии: «...медленно со всех концов города движутся процессии с гробами жертв, с развевающимися флагами, с несметной толпой народа. Медленно, торжественно раздаётся в воздухе согласное пение тысячи голосов: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» [12]. Шествие, начавшееся с 9 час. 30 мин. закончилось далеко за полночь. Мимо братских могил на Марсовом поле прошло не менее 800 тыс. человек.

Праздник представлял собой грандиозное зрелище. Все поставленные задачи были выполнены. Народные массы быстро и организованно вышли на улицы и площади города, показав свою поддержку идее революции. Очевидно, что для переживаемого момента такая поддержка была полезна. Но в то же время успех мобилизации показал и оборотную сторону. Народ обладал значительной силой и энергией для продолжения революции, а это уже было опасно.

Список литературы

- [1] *Бабурин* И. Искусство русского плаката XX века. Реальность и утопия. – М., 2004.
- [2] *Бахтин* М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990.
- [3] *Бахтин* М.М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. – М., 1992. №1.
- [4] *Гужова* И.В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода. Автореф. дис...канд. филос. наук. – Томск, 2006. – С. 14. Михайлюк А. Карнавал и революция. URL: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa7/211-220.pdf> (20.03.2017).
- [5] *Колоницкий* Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб., 2001;
- [6] *Корнаков* П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб.: Глагол, 1994.
- [7] *Лапшин* В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. – М., 1983.
- [8] *Михайлюк* А. Карнавал и революция. URL: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa7/211-220.pdf> (20.03.2017).
- [9] *Орлов* И.С. Марсово поле и траур в политике. URL: <http://openleft.ru/?p=5683> (20.03.2017).
- [10] Рольф М. Советские массовые праздники. – М., 2009.
- [11] *Смирнова* А.А. Национальные похороны жертв Февральской революции и деятели русской культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-pohorony-zhertv-fevralskoy-revoljutsii-i-deyateli-russkoy-kultury> (20.05.2017).
- [12] *Сорокин* П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
- [13] *Чертилина* М.А. Похороны жертв февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г. в кинофотодокументах РГАКФД. URL: <http://www.vestarchive.ru/dokumentovedenie/1512-pohorony-jertv-fevralskoi-revolucii-v-petrograde-23-marta-1917-g-v-kinofotodokumentah-rgakfd.html> (15.03.2017).